

— Обобрал?

— Кого это тут обобрали?

Е Линь вовсе не считал себя обманутым на деньги. Писью тоже упрямо гнул свою линию, выпятив грудь и отпираясь изо всех сил:

— Да что ты такое несёшь! Разве я похож на такого... человека? То есть на такого яо?

— Я веду исключительно честный бизнес. Всё строится на обоюдном согласии! Как у тебя язык повернулся назвать это мошенничеством и вымогательством? Это уже слишком, просто переходит все границы!

Он сидел в своём роскошном, кричаще богатом кабинете, то указывая на висящий на стене каллиграфический свиток «Небеса вознаграждают усердных», то на золотую статуэтку трёхлапой жабы на столе. Говорил он с абсолютной, непоколебимой уверенностью в собственной правоте.

Лингуан лишь крепче перехватил плётку, заставив её рукоять грозно хрустнуть. Игнорируя оправдания торговца, он холодно прищурился и спросил Е Линя:

— Что ты у него купил?

Не успел Е Линь открыть рот, как Писью поспешно вклинился в разговор:

— О, это же настоящее сокровище! Кусок дерева Дисю! Сейчас такое древнее божественное дерево днём с огнём не сыщешь, нигде больше не купишь, только у меня! Вы, пернатые божественные звери, ведь обожаете вить гнёзда на подобных ветвях. Парень услышал об этом и тут же выложил денежки ради тебя. Какая щедрая душа!

"Какое прекрасное, наивное денежное дерево!" — ухмыльнулся про себя Писью.

Услышав про дерево Дисю, Лингуан вскинул бровь.

— Небось, содрал с него три шкуры?

Заметив его тон, Писью лишь хихикнул и вожаденно потер ладони, изображая жест подсчёта

купюр.

— Ну, дерево-то редчайшее, божественное... Дешёвым оно быть никак не может.

Судя по довольной мине дельца, цена оказалась заоблачной — такой, от которой даже у самого Писью сладко защемило в груди.

Но зачем обычному человеку вроде Е Линя сдалось дерево Дисю?

Купил для него? Ха. С какой стати? В каких они отношениях, чтобы тратить на него целое состояние?

Лингуан больше всего на свете ненавидел оставаться в долгу и терпеть не мог двусмысленные одолжения. Раздражение исказило его красивые черты. С резким взмахом руки он обрушил плётку прямо у ног Писью. Раздался оглушительный щелчок.

Писью испуганно отпрянул, сделав три шага назад и вытаращив глаза.

Лингуан наступил ногой на стул и, возвышаясь над ним, властно процедил:

— Кто позволил тебе впаривать ему товар? Я давал добро?

Он с силой рванул стул в сторону. Каблук его сапога звонко ударил об пол. В алых глазах полыхнул яростный огонь, подчёркивая его дикий, собственнический нрав.

Он небрежно указал пальцем на дверь:

— Вон отсюда.

— Слушаюсь! — Писью согнулся в три погибели, подхватил стул над головой в качестве щита и бросился наутёк.

Но не успел он сделать и шага, как стоявший на столе стеклянный стакан разлетелся вдребезги. Кончик хлыста со свистом рассёк воздух и ударил по полу, заставив паркет жалобно затрещать под натиском божественной силы.

— Я разве сказал, что ты можешь уйти? — зловеще прошипел Лингуан.

— Понял-понял! — ведомый исключительно инстинктом самосохранения, Писью, не опуская стула, пулей метнулся обратно.

Е Линь, судя по всему, даже не подумал, что приказ убираться мог касаться его. Он сидел развалившись, небрежно закинув ногу на ногу и сложив руки на коленях, с абсолютно невозмутимым видом созерцая потолок. В его осанке сквозила уверенность могущественного и опасного человека, которого ни капли не волновала чужая суета.

[Хозяин, кажется, они оба смотрят на вас!]

"Знаю" — мысленно отозвался Е Линь.

"Не уйду"

В следующую же секунду Лингуан, яростно размахивая плёткой, бесцеремонно выставил его за дверь — взъерошенного и весьма озадаченного.

Когда за дверью скрылся последний свидетель его позора, Писью тоскливо протянул руку ему вслед. Но стоило ему повернуться, как он наткнулся на холодный взгляд Лингуана. На губах божества заиграла безжалостная, леденящая душу усмешка.

В мгновение ока хлыст превратился в размытую тень. Удары посыпались градом, сокрушительные и стремительные, словно ураган из лепестков пламени. С треском и грохотом они обрушились на кабинет.

Писью метался из стороны в сторону. Роскошное убранство кабинета гибло на глазах, превращаясь в щепки и осколки. Стоило очередному стулу над его головой принять удар и разлететься пополам, как делец ловко подхватывал следующий уцелевший предмет мебели и продолжал спасаться бегством.

Лишь когда Лингуан наконец выпустил пар и опустил оружие, Писью, дрожа от страха, бочком подобрался ближе. Сжавшись в комок на полу, он с искренним недоумением спросил:

— Слушай, неужели тебе и впрямь наплевать на этого Е Линя?

— Хочешь, я тебе зрение подлечу, раз ты ослеп? — Лингуан смерил его ледяным взглядом, от которого по коже пробежал мороз.

Писью всё понял без слов, хотя и не удержался от тихого вздоха:

— А парень-то действительно хорош...

В его голосе прозвучало искреннее сожаление.

Лингуан прищурился, в его душе закрались смутные подозрения.

— Ты ведь вытряс из него всё до последней монеты, верно?

Иначе с чего бы этому скряге, который шагу не ступит бесплатно, так рьяно выгораживать Е Линя? Сколько золота осело в его бездонных карманах?

— Ну что ты из меня монстра делаешь, — Писью недовольно надул губы, — я ведь не только ради наживы стараюсь.

Правда, произнеся это, он сам устыдился собственной лжи и поспешно забормотал:

— Ой, да ладно тебе! Я просто подумал, что твоя звезда любви наконец-то взошла, и судьба свела тебя с суженым. Нефритовая бабочка творения выдала идеальное совпадение именно на вас двоих! Е Линь оказался мне надёжным малым, вот я и решил устроить ему небольшую проверку на щедрость.

Писью не удержался и едва слышно пробурчал себе под нос:

— А кто, спрашивается, мчался восстанавливать справедливость, прикрывал его своей спиной, а потом ещё и в отпуск с ним укатил?

Заметив, что Лингуан снова заносит хлыст, торговец испуганно замахал руками, стараясь исправить положение:

— Всё-всё, молчу! Давай так: я бесплатно улучшу ваш туристический ваучер на «три дня и две ночи». У меня в тех краях есть частный остров, который я берёг исключительно для себя. Я передам тебе все права доступа. Отдыхайте, развлекайтесь, можете оставаться там хоть на неделю! Считай это компенсацией... для тебя. Ну и для Е Линя тоже, идёт?

Лингуан промолчал. Он стоял неподвижно, глядя на присевшего торговца сверху вниз. Его алые глаза поблёскивали, тонкие губы были сжаты в суровую линию, а бледное, точёное лицо казалось маской сурового божества. И лишь холодный зимний свет, падающий из окна на пушистые ресницы и подрагивающий при каждом выдохе, выдавал в нём живое существо.

Он казался высеченным изо льда — неприступным и холодным.

Наконец он небрежно обронил короткое «ладно». Огненно-красные волосы, рассыпавшиеся по плечам подобно предзакатному зареву, немного сглаживали эту ледяную суровость. Взвесив все за и против, он соизволил кивнуть.

На этом инцидент был исчерпан.

Но Писью всё равно так и подмывало спросить:

— Неужели Е Линь тебе совсем не мил? Ни капельки? И нет ни единого шанса?

При этом его взгляд так и косился на приоткрытую дверь, в щели которой смутно виднелся край чёрного плаща.

— Надеюсь, ты уяснишь это раз и навсегда: моё сердце принадлежит только покойному супругу, — холодно отрезал Лингуан. — И если я когда-нибудь полюблю вновь, то лишь в том случае, если мой муж восстанет из мёртвых и вернётся в этот мир.

Писью лишь молча развёл руками.

Обернувшись к выходу, Лингуан увидел Е Линя. Тот стоял, прислонившись спиной к косяку, и лениво скрестив ноги. На его лице не отражалось ни единой эмоции.

Услышал он слова Лингуана или нет — оставалось загадкой.

Впрочем, божеству было всё равно. Если отношения невозможны, лучше оборвать любые ложные надежды в зародыше.

Лингуан решительно шагнул в коридор, даже не подумав сбавить шаг, когда за спиной раздались тихие, размеренные шаги Е Линя.

Даже великолепные, манящие ноги Лингуана в чёрном шёлке чулок, перехваченные изящными подвязками, больше не приковывали к себе взгляд Е Линя. Он шёл, опустив голову, погружённый в глубокие думы.

И лишь когда Лингуан резко замер на месте, он послушно остановился следом.

Лингуан обернулся. Его яркие алые глаза смотрели серьёзно и строго. Протянув руку ладонью вверх, он бесстрастно потребовал:

— Отдай.

Заметив замешательство на лице мужчины, он нетерпеливо пояснил:

— Дерево Дисю. Ты ведь купил его, чтобы отдать мне? Давай его сюда, я верну тебе потраченные деньги.

Слова прозвучали сухо и отстранённо, проводя между ними жирную, непреодолимую черту.

Кадык Е Линя едва заметно дрогнул. Он опустил ресницы, глубже засунул руки в карманы брюк и хрипло произнёс:

— Нет у меня его.

Лингуан опешил.

— Что?

Мужчина вынул пустые ладони и спокойно повторил:

— Нет его у меня. И я не собирался его тебе дарить.

[Вот-вот! Мы и не думали делать ему подарки! Ишь, раскатал губу, глупая птица!]

Е Линь проигнорировал ворчание помощника. Его тёмные, глубокие глаза прямо и открыто встретили взгляд Лингуана.

Лингуан на мгновение растерялся. Этот пристальный взгляд почему-то показался ему невыносимо тяжёлым, наполненным такой глубокой, щемящей тоской, что у божества на миг защемило в груди. Но стоило моргнуть — и наваждение рассеялось.

Спрятав лицо в тёплые складки шарфа, он поспешно отвернулся и как можно более небрежно бросил:

— Что ж, тем лучше.

Однако на душе почему-то остался неприятный осадок. Лингуан крепко сжал губы, внезапно поймав себя на мысли.

"Не слишком ли я холоден и безжалостен с ним? Пожалуй, если человек искренне желает сделать тебе подарок, можно проявить хоть каплю мягкости"

Осознав, к какому опасному руслу склоняются его думы, Лингуан мысленно встряхнулся и поспешил прогнать эти глупости. Его лицо вновь приняло суровое, неприступное выражение. Он — властный и грозный Божественный Лорд Вермилион, и никакие глупые сантименты не заставят его сердце дрогнуть.

<http://bllate.org/book/20308/2140197>